

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

A.P. Абдурахманова, Л.А. Радус

Интервью с И.В. Кочергиным

А·Р·阿卜杜拉赫马诺娃, Л·А·拉杜斯
对 I·V·科切尔金的访谈

Alina R. Abdrakhmanova, Larisa A. Radus

An Interview with I.V. Kochergin

КОЧЕРГИН ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ

Igor V. Kochergin

*Проект «Российское китаеведение — устная история»¹
“Russian Sinology — the Oral History” Project*

Кочергин Игорь Васильевич (ИК)

Востоковед: китаевед, кандидат педагогических наук, профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета МО РФ.

Место: г. Москва

Дата: 7 октября 2021 г.

Интервьюеры: А.Р. Абдрахманова (АА), Л.А. Радус (ЛР)

Расшифровка, редактирование, комментарии: В.Ц. Головачёв, А.Р. Абдрахманова

Igor V. Kochergin

Sinologist, PhD, Professor of the Far Eastern Languages Department, Military University, MOD, RF

Place: Moscow

Date: October 7, 2021

Hosts: Alina R. Abdrakhmanova, Larisa A. Radus

Script, Editing, Comments: Valentin Ts. Golovachev, Alina R. Abdrakhmanova

---

¹ Проект «Российское китаеведение — устная история» реализуется Институтом востоковедения РАН с 2008 г. Куратор проекта — доктор исторических наук В.Ц. Головачёв. E-mail: v.golovachev@ivran.ru. Первоначально опубликовано на сайте: https://china-oral.ivran.ru/f/Interviu_c_Kocherginум_Igorem_Vasilevichem.pdf. Публикуется с разрешения редакции ресурса с небольшими правками.

Игорь Васильевич КОЧЕРГИН (род. 3 июня 1948 г., г. Попасная, Ворошиловградская область, Украина). Востоковед, китаевед. Переводчик, кандидат педагогических наук, профессор кафедры ДВЯ ВУ МО РФ. Окончил ВИИЯ (1974 г.) с золотой медалью. Стажировался в Сингапуре (1976–1977 гг.), Пекине (1985–1986 гг.). Преподаватель ВИИЯ (1974–1988 гг.), начальник кафедры ВИИЯ (1988–1993 гг.), заведующий кафедрой китайского языка Института практического востоковедения, первый проректор Института практического востоковедения (2003–2006 гг.). Профессор Яньшаньского университета г. Циньхуандао КНР (2005–2006 гг.). Иностранный специалист агентства Синьхуа г. Пекин КНР (2006–2007 гг.). Профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета МО РФ (2009 г.).

Публикации

- Русско-китайский тематический словарь-справочник.
- Русско-китайский, китайско-русский практический медицинский словарь.
- Универсальный мультимедийный практический курс общего перевода китайского языка. Учебник.
- Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский. Учебник.
- Очерки лингводидактики китайского языка. Монография.
- Хрестоматия для чтения на китайском языке.
- Сборник тренировочных упражнений, контрольных заданий и тестов по базовому курсу китайского языка.
- Китайский язык. Аудиотренинг.
- Китайский язык. Практикум по аудированию, чтению, говорению.
- Регионоведение. Китай. Учебник.
- Прогулки по Москве и Санкт-Петербургу. Учебное пособие для подготовки к сопровождению делегаций на китайском языке.

АА: Добрый день! Сегодня у нас в студии замечательный человек, талантливый педагог, профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета Кочергин Игорь Васильевич. Игорь Васильевич, расскажите, пожалуйста, нам про себя: где и когда Вы родились?

ИК: Здравствуйте, родился я давно, в прошлом веке, 3 июня 1948 года. Родился в небольшом районном городке на Донбассе, в Ворошиловградской области, тогдашней Украинской Советской Социалистической Республики.

АА: Конечно, Китай далековато будет от вашего родного города. Расскажите, пожалуйста, о Ваших родителях.

ИК: Мои родители уже ушли из жизни. Оба — участники войны. Отец, Василий Яковлевич, 1910 года рождения, ушел на фронт красноармейцем, в этом же звании и вернулся. Окончил железнодорожное ремесленное училище. Всю послевоенную жизнь работал на железной дороге. Последние перед выходом на пенсию годы — машинистом паровоза. Однажды, в нарушение правил, он взял меня в поездку. Это было потрясающее впечатление — находиться в кабине паровоза! Лязг, грохот, шипение пара, огнедышащая топка, куда кочегар, как в пасть дракона, постоянно подбрасывал уголь, запах масла и волшебная рукоятка реверса, любому движению которой повиновался этот дракон. Отец был мастером на все руки и многому в этом плане у него научился. Для меня никогда не были проблемой ни сантехнические, ни электротехнические, ни какие-либо механические работы. По школьной профессиональной подготовке я вообще столяр. Практически все, для чего другие люди вызывают мастеров, я делаю сам, и часто даже лучше.

Мама, Евгения Николаевна, 1925 года рождения. Она училась в Одесском судостроительном техникуме, в 1943 году была мобилизована и ушла на фронт. Служила в специальной железнодорожной колонне кондуктором. После войны и замужества работала на разных работах, занималась домом, воспитывала меня и младшего брата. Очень любила читать и привила эту любовь мне. Дома была небольшая, но очень богатая по содержанию библиотека, собирать которую в те времена было непросто. После того, как я всю ее перечитал, я записался в три городские библиотеки, в которых был одним из наиболее активных читателей.

АА: Ваши родители — удивительные люди, но никогда не имели отношения к Китаю. Насколько нам известно, у Вас есть дочь. Пошла ли она по Вашим стопам, связала ли свою жизнь с китайским языком?

ИК: Дочь окончила Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности английский язык и, как говорил *Михаил Жванецкий*², с тех пор и до этих занимается преподавательской деятельностью. Так что в этом плане можно сказать, что пошла по стопам. Внучка в этом году поступила в психолого-педагогический университет.

АА: Здорово! На некоторых фотоснимках Вы запечатлены вместе с внучкой в Китае. Судя по фотографиям, Вы часто бывали в Китае: и на стажировке, и по работе, и в отпуске с семьей. Когда Вы впервые узнали про эту удивительную страну? И какие у Вас были первые представления о Китае?

ИК: Ну, это достаточно интересная история. В пятом-шестом классе средней школы я занимался тем, что называется филуменистика. Сейчас это слово мало кто знает — это коллекционирование спичечных этикеток. И в то время, поскольку у нашей страны контактов с зарубежными странами было очень мало или вообще не было, любые заграничные спичечные этикетки пользовались особым спросом. Однажды журнал «Пионер» поместил на последней странице фотографии спичечных этикеток нескольких стран. Среди них, как стало потом понятно, была и китайская. Во всяком случае, она привлекла моё внимание иероглифами, которыми была расписана.

² *Жванецкий Михаил Михайлович* (1934–2020). Писатель-сатирик, исполнитель авторских литературных произведений, киносценарист, телеведущий, актер. Народный артист Украины (1999), Народный артист РФ (2012).

Этикетки спичечных коробков. КНР, 1960-е гг.

Поскольку коллекционирование спичечных этикеток включало и обращения на фабрики, которые производили спички, с просьбой выслать этикетки, я поступил таким же образом: добросовестно переписал с этой картинки иероглифы (точнее, перерисовал все, что там было нарисовано), запечатал в конверт и отправил письмо, как я надеялся, в Китай, с просьбой прислать мне спичечных этикеток. Письмо ходило долго, где-то год, может больше, и, как ни странно, вернулось с многочисленными печатями, подписями, пометками. Но, главное, на конверте было написано: адресат не найден. Вот таким образом я узнал, собственно говоря, про существование страны под названием Китай.

АА: Ваше знакомство с Китаем было, действительно, необычным. А соответствовало ли Ваше изначальное представление о Китае тому, что Вы увидели потом, впервые попав в эту страну?

ИК: Изначальный образ Китая сформировался у меня тоже совершенно необычно, под влиянием звучащей ежедневно из радиорепродуктора песни «Москва–Пекин», «русский с китайцем — братья навек». Это был образ китайских коммунистов, которые борются за свою свободу, за счастье, которые близки по духу нам. Китай воспринимался мною как далекая, очень далекая страна, где живут люди, которые хотят жить так же, как и мы в то время жили. Других источников информации о Китае в то время было в общем очень мало. Кроме песен и спичечных этикеток, это были переводы китайских сказок и всяких нравоучительных рассказов. Был у меня диафильм о студенте Ли, который писал иероглифы прутиком на песке, на берегу моря. Набегающие волны их смывали, а он снова их писал. Таким образом мы понимали, что китайцы — очень трудолюбивые, стремящиеся к знаниям люди и так далее. Вот, собственно говоря, такой образ у нас возникал. А когда уже удалось вплотную столкнуться с Китаем, то, конечно, все оказалось во многом не так, как мы себе это представляли.

АА: Не так как в диафильме?

ИК: Не так как в диафильме.

АА: Действительно, наши изначальные представления о многих вещах часто не совпадают с тем, что мы видим потом в реальности. Наверное, у каждого китаеведа

первая встреча с Китаем оставила в душе и какие-то разочарования, и какие-то приятные, теплые воспоминания. Что все стало главной причиной, почему Вы решили сделать такой серьезный шаг — стать китаеведом?

ИК: Никакого такого серьезного шага я делать не собирался! Школу я заканчивал в те годы, когда отношения с Китаем были, мягко говоря, недружественные, поэтому никаких помыслов о том, чтобы как-то связывать свою жизнь с этой страной, не было. Было желание стать переводчиком, и это желание было продиктовано тем, что переводческая профессия была одной из немногих профессий, которые позволяли побывать за границей. Интерес к зарубежным странам у меня был, поэтому было и желание стать переводчиком. Я дважды поступал на переводческий факультет Горьковского педагогического института, но не проходил по баллам — иначе и быть не могло! Потом отправился на срочную воинскую службу и, уже завершая срок срочной службы, узнал, что существует такой институт — *Военный институт иностранных языков (ВИИЯ)*³. В итоге я решил попытать счастья, поступить в ВИИЯ, а дальше все было, как говорится, «предначертано». В процессе вступительных экзаменов появился полковник *Кленин Иван Дмитриевич*⁴, который имел приоритетное право отбора курсантов (а тогда мы еще назывались «слушателями») на китайский язык. Он отобрал меня и в последующем «добровольно-принудительно» мне был назначен для изучения китайский язык. Собственно говоря, сначала это вызывало определенные негативные эмоции, так скажем. Но, в конечном счете, возобладало удовлетворение от того, что я все-таки поступил в учебное заведение, где учили на переводчика. И я думал, что, наверное, буду переводчиком, тем более что вторым языком был английский язык.

АА: Пожалуйста, расскажите поподробнее о Вашем знакомстве с Иваном Дмитриевичем Клеиным. Каким он был человеком и китаеведом?

ИК: Как я уже говорил, с Клеиным И.Д. я первый раз встретился в ходе вступительных экзаменов летом 1969 года, во время собеседования, которое проводили с абитуриентами начальники основных языковых кафедр ВИИЯ. Тогда я обратил внимание на то, что этот с виду суровый полковник, помимо обычных в таких случаях вопросов, спрашивал о прочитанных книгах, о стихах и поэтах, о художниках, написавших известные полотна. Как потом я узнал, Иван Дмитриевич был широко образованным, начитанным человеком и очень ценил это качество в других людях, а стремление к познанию культуры своей страны неуклонно прививал своим ученикам. Без подобного рода вопросов не обходился ни один экзамен и по китайскому языку, хотя нам эти вопросы казались неуместными и их-то мы опасались больше всего. Благодаря такой широкой эрудиции Ивану Дмитриевичу были подвластны любые кроссворды, которые он очень любил разгадывать.

³ Военный институт иностранных языков (ВИИЯ). Образован в 1942 г. на базе Военного факультета западных языков при 1-м и 2-м Московских государственных педагогических институтах иностранных языков (МГПИИЯ), Военного факультета восточных языков при МИВ и военных курсов иностранных языков из г. Орска. В 1974 г. преобразован в Военный институт Министерства обороны РФ.

⁴ *Кленин Иван Дмитриевич* (1923–2021). Китаевед, к.ф.н. профессор кафедры дальневосточных языков. Военного университета МО РФ. Специалист по китайскому языку, литературе, истории, культуре Китая. Участник Великой Отечественной войны.

И.Д. Кленин (1923–2021)

Кленин очень хорошо разбирался в людях, и собеседования, которые он проводил с абитуриентами, не были для него пустой формальностью. Поскольку желающих изучать китайский язык в 1969 году было среди поступающих, мягко говоря, немного, Иван Дмитриевич, обладая приоритетным правом отбора, стремился набрать на обучение людей, не избалованных жизнью, с определенным внутренним стержнем — таких, которые не испугаются, не побегут, ну и, конечно, с хорошей школьной подготовкой. Впоследствии, когда я учился, а потом служил и работал под началом Ивана Дмитриевича, я стал свидетелем того, как он умело формировал коллектив кафедры, численность которой достигала в одно время 42 человек! Во-первых, это были высококлассные специалисты, профессионалы, авторитетные учёные и перспективные начинающие молодые преподаватели. Как тогда говорили — сплав опыта и молодости. А во-вторых, еще более

важным для него было то, что из этих людей можно было создать монолитный коллектив единомышленников. Во все времена кафедра под руководством Ивана Дмитриевича отличалась чрезвычайно благоприятной внутренней атмосферой. В одно время некоторые начальники даже ставили в вину Кленину то, что на кафедре царит бесконфликтность. Это при том, что руководителем полковник Кленин был достаточно жестким. К нему очень подходило известное выражение «У него не забалуешь!». Больше всего беспокойства Ивану Дмитриевичу как начальнику доставляла женская часть нашей кафедры, точнее определенная молодая ее часть. В 1974–1975 годах на кафедру пришли вчерашние выпускницы ИСАА при МГУ Губарева, Кульчицкая, Карымова, Шутова. Молодые девушки разбавили суровый воинский коллектив и внесли в систему, основанную на строгой воинской дисциплине, элементы свободной университетской жизни и некоторого разгильдяйства. Проявлялось это в опозданиях на занятия, неявке на работу по неуважительной причине, слабой подготовке к занятиям и т.п. Со всеми этими случаями Иван Дмитриевич разбирался скрупулезно, выяснял причины и, как правило, избегал формальных наказаний. Но одной его беседы было достаточно, чтобы стараться как можно дольше в его кабинет по такому поводу не попадать. Нежелание попадать лишний раз в кабинет начальника было обусловлено и еще одной причиной: независимо от того, как мы туда попадали — добровольно или принудительно, за поощрением или за взысканием — каждый выходил «озадаченный», то есть получивший какую-то задачу: написать учебное пособие, методическую разработку, статью в сборник, подготовить и провести какое-то мероприятие с курсантами и т.д. и т.п. А иные, как, скажем, ваш покорный слуга, даже получали указание поступать в адъюнктуру (военный вариант аспирантуры) и писать диссертацию.

Как я уже сказал, Иван Дмитриевич вникал в проблемы и трудности каждого сотрудника кафедры и старался помогать, в силу своих возможностей. Самым актуальным для офицеров кафедры был в то время жилищный вопрос, поскольку многие из нас были «бесквартирные». Иван Дмитриевич «выбивал», как тогда говорили, комнаты в общежитии, служебное жилье и даже квартиры.

Сам Иван Дмитриевич был очень скромным человеком. Настоящий окопный фронтовик, орденоседец, доподлинно знающий цену жизни, он этими своими заслугами не кичился и нигде их не выпячивал. Достаточно сказать, что он был участником парада Победы 1945 года, но в последующем, видимо, по недосмотру военкоматских начальников и ветеранских организаций, его ни разу не пригласили в качестве гостя на парад 9 мая в Москве. А он не стал никуда обращаться и заявлять о своем безусловном праве присутствовать в этот день на Красной площади. О своем военном прошлом он рассказывал, встречаясь с курсантами, но и здесь он больше рассказывал не о себе, а о своих товарищах, о патриотизме, героизме и самопожертвовании людей на фронте и в тылу.

Ивана Дмитриевича Кленина по праву можно называть отцом-основателем военного китаеведения. Действительно, создав и возглавив кафедру китайского языка, он тем самым заложил основы военного китаеведения, развитию и совершенствованию которого посвятил всю свою последующую жизнь. В научном плане сам Иван Дмитриевич занимался проблемами лексикологии, а конкретно — изучением военной терминологии в китайском языке. Его работа в этом направлении на протяжении нескольких десятилетий, помимо многочисленных статей, материализовалась в двух уникальных словарях — «Китайско-русском военном и техническом словаре»⁵ и «Русско-китайском военном и техническом словаре»⁶. Последний был выдвинут в 2004 году на соискание премии Президента РФ. Эти словари были единственными двуязычными источниками военной лексики с непрекращаемым авторитетом. Во время моей работы в информационном агентстве «Синьхуа» в Китае я обнаружил, что в русскоязычной редакции активно пользовались Русско-китайским словарем Кленина, который был добыт не совсем легальным путем.

Помимо этого, И.Д. Кленин написал базовый учебник военного перевода китайского языка⁷, на котором выросло несколько поколений наших выпускников, и который стал фундаментом для разработки новых современных учебных материалов по этому аспекту обучения. А еще он составил курс лекций по лексикологии.

Иван Дмитриевич уделял очень много внимания формированию научных основ и практической методики преподавания разных аспектов китайского языка в интересах подготовки военных переводчиков-референтов. По его инициативе, а, можно сказать, и по его настоянию, были защищены две диссертации по методике обучения китайскому языку — диссертации Ткачука В.В. по методике обучения фонетике и вашего покорного слуги — по обучению неподготовленной монологической речи на китай-

⁵ Китайско-русский военный и технический словарь. Сост.: Кленин И.Д. М.: Воениздат, 1985.

⁶ Русско-китайский военный и технический словарь. Сост.: Кленин И.Д., Надточенко Б.Я. М.: Муравей, 2001.

⁷ Кленин И.Д. Учебник военного перевода. Китайский язык. М.: Военный университет, 2007. 170 с.

ском языке с использованием комплекса ТСО (технических средств обучения)⁸. Эти две диссертации так и остались единственными в своём роде, никто больше на исследования в этой области не посягнул. Помимо диссертаций, под началом Ивана Дмитриевича на кафедре было написано большое количество собственных учебных пособий, учебно-методических разработок, создавались дидактические материалы для технических средств обучения — учебные диапозитивы, диафильмы, кинокольцовки, а потом и видеоклипы. Преподаватели — носители китайского языка с нашей кафедры начитывали фонограммы для работы курсантов в лаборатории устной речи. Еще одним великим достижением И.Д. Кленына в подготовке собственных научно-педагогических кадров считаю то, что ему удалось получить для кафедры квоту на зарубежные стажировки преподавателей из числа военнослужащих. В то время это было очень сложно, но ему это удалось. Преподаватели кафедры стажировались в Наньянском университете Сингапура, в Пекинском педагогическом университете, в Фуданьском университете в Шанхае, в Цзинаньском, Нанкинском и Уханьском университетах КНР. Благодаря такой целенаправленной работе руководителя, к середине 1980-х годов на кафедре сформировалась цельная научно-методическая школа подготовки высококвалифицированных военных переводчиков. Новое поколение педагогов кафедры помнит, чтит и развивает славные традиции.

АА: Спасибо. Кроме И.Д. Кленына, кто еще вел у Вас китайский язык?

ИК: Кленын Иван Дмитриевич — это отец основатель кафедры, а многие его ученики в последующем стали преподавателями. Эти выпускники преподавали в том числе и у меня. Выпускниками из рядов самых первых выпусков кафедры китайского языка (тогда она так называлась) были лейтенанты и старшие лейтенанты Кучумов, Краснов. Потом были Ростовцев, Щичко. Потом у нас на кафедре работали и носители китайского языка, этнические китайцы. Был замечательный преподаватель *Линь Шайло*⁹, уйгур по национальности. Собственно говоря, в обучении слушателей китайскому языку кафедра как бы обходилась своими ресурсами, своими выпускниками, хотя на ней работали также и представители других учреждений.

АА: Как складывались Ваши отношения с китайским языком? Легко или сложно было учить его, особенно в самом начале? Какие у Вас воспоминания?

ИК: Когда мы были еще абитуриентами (я уже сказал, что поступал в ВИИЯ после срочной службы в армии, и еще было несколько товарищей, тоже армейских), мы готовились к вступительным экзаменам здесь, в Лефортово. Нам предоставили одну из аудиторий, и как-то раз мы нашли в этой аудитории листки с напечатанными иероглифами. Вид этих листочков привел нас в священный ужас, каждый из нас себе сказал: «Я это никогда в жизни не выучу!» Это выглядело совершенно нереальным!

⁸ ТСО (технические средства обучения) — технические средства предъявления дидактических материалов звуковой и зрительной наглядности, используемые в рамках аудиовизуального метода обучения иностранным языкам (магнитофон, слайд-проектор, киноустановка, видеоманитофон, мультимедийные компьютерные системы).

⁹ *Линь Шайло* (1906–1970). Этнический дунганин. В молодости эмигрировал из Китая в Ташкент. Китаевед. Учился в Москве, преподавал китайский язык в ВИИЯ, МГИМО. Один из авторов ряда учебных пособий, в т.ч.: Учебник китайского языка. *Линь Шайло, Джан Мин Шен, Молодой К. Т. М.*, 1955. 446 с.

АА: А что было потом? Удалось выучить иероглифы?

ИК: Ну, а потом было приказано учить, вот мы и учили. Я скажу, что в период учебы в течение пяти лет особых трудностей в овладении китайским языком я не испытывал. Наверное, потому что, во-первых, были хорошие педагоги, преподаватели. Во-вторых, потому что было достаточно учебного времени, гораздо больше, чем сейчас курсанты имеют. В это учебное время мы занимались спокойно, без каких-то рывков и замедлений. Учились по очень скромным учебным материалам, поскольку из-за плохих отношений с Китаем у нас практически ничего не было. То есть учились, не надеясь ни на что хорошее в будущем. Главным образом налегали на английский язык, а китайский язык как-то сам собой шел и осваивался. И, в конце концов, получилось то, что получилось.

АА: Все получилось замечательно! Как сложились Ваши отношения с китайским языком — понятно. А как складывались отношения с китайской кухней? Это немаловажный вопрос для всех китаистов!

ИК: Да, вопрос немаловажный. Но китаист на самом деле не должен позволять себе употреблять такое словосочетание как «китайская кухня». Мы же знаем, что Китай — страна многонациональная, разнообразная. Мы знаем, что видов кухни там как минимум столько же, сколько и национальностей, и этносов. Самое главное, это северная и южная кухни и так далее. Как складывались мои отношения? Нормально складывались! Практически все, что доводилось пробовать, находясь в Китае, в общем-то, не вызывало никаких негативных эмоций или отторжения, за исключением одного случая... Однажды довелось бывать в провинции Юньнань, и там обстановка сложилась так, что пообедать можно было только в одном месте, в одном небольшом ресторанчике, где в качестве главного блюда, главного деликатеса, подавали личинок горных пчел. Уже сам вид этих личинок вызывал в общем-то определенные физиологические реакции. Ну и попробовать эти личинки я, конечно, не рискнул. Все остальное, можно сказать, было вполне приемлемо. Правда, мне тоже не очень, так скажем, нравились всякие китайские сладости. Вот они совершенно необычные! Отличаются сильно от того, к чему мы привыкли у себя на родине. Говоря о китайской кухне или Китае в целом, нельзя исходить из позиции сравнения: вот у них это хуже, а у нас лучше, или наоборот. Надо принимать это как оно есть. Китайский *хо го* 火锅 — «самовар», как его называют, он — китайский, такой как есть, не хуже и не лучше. У нас такого нет! И во всем остальном так же.

АА: Действительно, китайская кухня очень разнообразна и необычна. Вы только что сказали, что бывали в провинции Юньнань. Где Вам еще довелось побывать в Китае?

Старший сержант И.В. Кочергин — курсант ВВИЯ. 1970 г.

ИК: Вопрос сложный в том плане, что нужно долго перечислять. У меня была даже такая карта Китая, на которой я отмечал пункты посещения и маршруты перемещения по стране. На тот момент, когда я ее, к сожалению, утратил, на ней было отмечено 42 пункта, распределенных по всей территории Китая. Нет того уголка на территории Китая, в котором мне бы не удалось побывать!

АА: Тогда, пожалуйста, назовите Ваше самое любимое место в Китае!

ИК: Любимых мест в Китае у меня несколько. Во-первых, это древние города Фэнхуан, Пинъяо, Дали, Лицзян. Во-вторых, это пейзажные места вроде Чжанцзяцзе, реки Чжуцзян, городов Ханчжоу и Сучжоу, Три ущелья на реке Янцзы. И, в-третьих, это вся провинция Юньнань.

Вышеупомянутые древние города несмотря на то, что многое в них уже не является аутентичным, позволяют познакомиться с особенностями жизненного уклада, быта китайского населения и устройства городов в XVII–XIX веках. А вот провинция Юньнань — вообще целая страна, отличающаяся неповторимым многообразием во всем! Здесь есть и высокогорье, и глубокие ущелья с бурными горными реками, и долины, и прекрасные озера, и субтропики. Есть потрясающий уезд Шангри-Ла в предтибете, есть уникальная территория вокруг озера Лугуху, где до сих пор царствует матриархат. Но, главное, в этой провинции компактно проживают представители множества разных этносов, каждый со своей традиционной культурой, которую они стараются, при поддержке центрального правительства, сохранять и передавать последующим поколениям. Знакомиться с их бытом, традициями, их взглядами на современную жизнь чрезвычайно интересно! После моих поездок в Юньнань я вдруг подумал, что, если бы мне довелось с сегодняшними моими знаниями о Китае снова решать, «Кем быть?», я бы пошел в этнографы.

Наверное, Вы заметили, что, отвечая на Ваш вопрос, я не упомянул ни один из китайских мегаполисов. Я не люблю современные китайские города с их многомиллионным населением! Причин тому много, но главное — мне кажется, что в этих городах постепенно исчезает аромат настоящего Китая. И в прямом, и в переносном смысле в них остается все меньше истинно китайского. Жизнь населения современных китайских городов проходит под знаком выстраивания карьеры и стремления к материальному благополучию. По этому поводу китайцы сами придумали два замечательных шуточных выражения, построенных на игре слов, а точнее, иероглифов. Народно-освободительная армия Китая живет под лозунгом 为人民服务 — «служим народу». Острижки добавили в это выражение один иероглиф и получилось 为人民币服务 — «служим народным деньгам», то есть юаням. Аналогичную манипуляцию произвели и с главным девизом китайского студенчества 向前看 — смотреть вперед. Иероглиф 前 «вперед» заменили на иероглиф 钱 с таким же звучанием, но имеющим значение «деньги». И получилось смотреть не вперед, а на деньги. Это, конечно, шутки, но, как известно, в каждой шутке есть лишь доля шутки.

АА: Очень интересно! А что Вам больше всего нравится в китайской культуре?

ИК: Китайская культура, как и сам Китай, чрезвычайно разнообразна. Буду говорить не о культуре как о феномене человеческого социума, а о материальных плодах изобразительной сферы китайской культуры. В этом смысле в китайской культуре мне нравится все то, что можно определить словами рукоделие или народные про-

мыслы. Это классическая живопись «го хуа», каллиграфия, двусторонняя сучжоуская вышивка шелком по шелку, изделия из черного лака, инкрустированные перламутром, традиционные вырезки из бумаги, филигранная резьба по камню и по дереву и многое-многое другое. Все эти рукотворные виды традиционного искусства объединяет то, что их изготовление требует высочайшего мастерства, вкуса и титанического терпения. Мне нравится созерцать все эти вещи! Дома у меня есть некоторые образцы подобных произведений, но еще больше мне нравилось наблюдать за процессом их рождения. Я готов был бесконечно смотреть, как пишет иероглифы мастер каллиграфии или как под несколькими взмахами кисти художника на бумаге рождается горный пейзаж. К таким же продуктам китайской культуры я отношу китайский цирк, который является демонстрацией потрясающих возможностей человеческого тела и владения им. Однажды в 80-х годах прошлого столетия, находясь в городе Чжэнчжоу, я узнал, что под городом существуют подземные галереи огромной протяженности, которые в 1950–1960-е годы строились как убежища на случай ядерной войны, а теперь используются как рынки. Должен сказать, что так называемые народные рынки, как и народные универмаги (ни того, ни другого в современном Китае уже почти не существует) всегда привлекали мое внимание. Привлекали не только выставленными на продажу товарами, хотя и там было много интересного, а как возможность послушать живую китайскую речь и пообщаться с торговцами. В то время в Китае только начинала реализовываться политика открытости и самые смелые китайцы, повинуюсь чувству природного любопытства, хоть и оглядывались по сторонам, но иногда вступали в диалог с иностранцем, который к тому же еще и говорит на «человеческом языке». Поэтому я спустился в этот подземный лабиринт. Сначала было интересно посмотреть и послушать, но, пройдя изрядное расстояние, не менее двух километров, я понял, что все здесь в общем-то одинаковое, а люди еще не избавились от прошлых страхов и запретов, почти не шли на контакт. Увидев очередной указатель выхода, я поднялся на поверхность. Вокруг была местность, похожая на большой пустырь, в центре которого видна была группа людей, и там что-то происходило. Я подошел к скоплению народа и понял, что все собрались посмотреть выступление бродячих цирковых артистов. Я был реально потрясен мастерством, которое демонстрировали эти самодельные циркачи, а после более близкого знакомства с профессиональным китайским цирком в последующем я понял, что подобные номера — это то, что китайцы называют 特色, то есть специфическая особенность, присущая только китайцам. Большинство номеров, которые они исполняют, недоступны для повторения даже профессионалами циркового искусства в других странах. Это же касается и многого другого, что составляет неповторимую китайскую культуру.

АА: Играли ли Вы в китайские традиционные игры?

ИК: Если имеются в виду настольные игры, вроде «маτζян» и китайских вариантов разных карточных игр, то в них я не играл и не пытался научиться, потому что, в отличие от большинства китайцев, я человек не азартный. Я никогда не любил и особо не умел играть даже в наши популярные игры — домино и карты, так что к китайским настольным забавам всегда был равнодушен. А вот в любимую спортивную игру китайцев — настольный теннис — я играл, и довольно неплохо!

АА: Как Вы относитесь к Пекинской опере?

ИК: Мне кажется, что Пекинская опера в общем никакая не опера в нашем понимании этого вида искусства. Но, видимо, другого понятного нам лексического эквивалента для обозначения этого жанра китайского искусства, объединяющего специфическое пение со своеобразной хореографией, в свое время подобрать не смогли.

С Пекинской оперой я не дружу. Причиной моего неприятия Пекинской оперы послужило мое первое знакомство с нею. В 1986 году, когда я проходил стажировку в Пекинском педагогическом университете, туда захала какая-то труппа, и администрация пригласила иностранных стажеров на представление. До этого момента о Пекинской опере я имел только скудные теоретические сведения. В зале, где проходило представление, собралось много китайцев, в основном, это были преподаватели, сотрудники университета с семьями, некоторое количество китайских студентов и иностранцы вроде меня. Мне удалось найти свободное место в самом центре зала среди китайцев, чему я сначала обрадовался, а потом об этом пожалел. Когда началось действие, в зале возник гул голосов. Как потом я узнал, кое-кто из зрителей знал сюжет представления, у других были отпечатанные либретто, но и те и другие начали рассказывать сидящим рядом, не имеющим на руках либретто и не знающим сюжета о том, что происходит на сцене, а некоторые даже вступали в спор между собой. В какой-то момент на меня обратила внимание сидящая рядом китайка, которая спросила, понимаю ли я, что там происходит. Я честно сказал, что имею весьма смутное представление. Это была моя ошибка, соседка тут же приблизилась вплотную и начала комментировать на ухо. И вот в течение полутора часов, пока длился спектакль, я находился в невыносимых условиях: душный зал, заполненный разговаривающими вполголоса людьми, непрерывный поток китайской речи в мое левое ухо от доброй китайки, непривычные резкие звуки музыкальных инструментов и удары гонга, которыми сопровождалась эта опера, — все это обрушилось на меня. В результате ближе к окончанию у меня кружилась голова и я был на грани обморока. Кстати, выйдя из зала, я понял, что из всех приглашенных иностранцев до конца высидел только я. Наверное они все заняли с самого начала более удобные места. После этого о Пекинской опере, как об одном из национальных достояний Китая я достаточно много читал и даже стал разбираться немного в символизме масок, но на спектакли больше не ходил.

АА: Есть ли у Вас традиция отмечать китайский новый год?

ИК: Такой традиции у меня нет. Во-первых, китайский новый год, как мы его называем, а, точнее, *чунь цзе* 春节 или «праздник весны» — это праздник семейный. Как Вы знаете, это праздник единения семьи. Так что с нашими немногочисленными семьями, члены которых и без того не сильно разобщены, а если и живут на некотором удалении друг от друга, собираться ради этого праздника не станут, поэтому такой праздник может носить только чисто декоративный характер. Некоторое время назад сотрудники нашей кафедры, как глубоко причастные к дальневосточной цивилизации и культуре, начали было традицию коллективно отмечать этот праздник. Но вмешалась пандемия, и этот процесс приостановился на неопределенное время.

АА: Не будем говорить о пандемии! Расскажите лучше про Ваше хобби! Вы настолько разносторонний человек, поэтому очень хотелось бы узнать, как Вы проводите свободное время!

ИК: Так сложилось, что у меня было два хобби, но одно из них началось и закончилось по независящим от меня обстоятельствам. Однажды в Китае я увидел на каком-то развале маленькую глиняную раскрашенную фигурку человечка в смешном головном уборе с крылышками и болтающейся на пружинке голове и купил ее. Но потом я обнаружил, что подобные фигурки разных размеров и разной расцветки продаются в мелких лавках, на уличных лотках и блошиных рынках по всему Китаю. Я стал их покупать и начал искать информацию о том, кого так изображают. Выяснил, что это фигурки китайских чиновников низкого «седьмого разряда» 七品芝麻官, то есть уровня уезда и ниже. В старом Китае эти чиновники были самым многочисленным чиновничьим сословием, и их одежда имела два отличительных признака — головной убор с крылышками и камнем в тулье, и пояс также с каким-то полудрагоценным камнем. Я стал коллекционировать этих чиновников! Вначале это были фигурки, изготовленные кустарным способом преимущественно в сельской местности, и стоили они очень дешево. Но потом они стали попадаться все реже, а на их месте появились подобные фигурки, но изготовленные на фабрике с профессиональной росписью. Цена их стала расти и, наконец, они вообще исчезли с рынка. Поскольку зуд коллекционирования во мне уже разгорелся, я продолжал искать и узнал, что в городе Тяньцзинь есть фабрика глиняной миниатюры 泥人张, где, возможно, изготавливают и моих чиновников. Я поехал туда, нашел фабрику, и там мне предложили выбрать и заказать фигурки по каталогу. Цены были очень высокие, да и фигурки утратили свой дух истинно народного творчества. Я ничего заказывать не стал, но узнал, что здесь же на улице 文化街 («Культурная улица» вроде Люличан в Пекине) есть магазинчик, где продают продукцию этой фабрики и, возможно, там еще осталось что-то из нераспроданного, можно поискать чиновников там. Я, конечно, туда поехал и, к радости, обнаружил там какое-то количество очень симпатичных экземпляров. На этом практически мое коллекционирование закончилось! Всего в моей коллекции порядка 70 самых разнообразных по размеру и росписи фигурок. Я точно знаю, что существует еще только одна такая коллекция, находится она в Китае и содержит более 200 экземпляров.

АА: А что представляет собой Ваше второе хобби?

ИК: Второе мое хобби со мной с конца 60-х годов прошлого века — это увлечение джазом. Началось оно в то время, когда в ходу еще была поговорка «сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Тогда я сам поигрывал на кларнете и саксофоне, но постепенно перешел только к прослушиванию. Дома у меня есть своя «машина времени», в которую входит аудиосистема родом из 1970-х и неплохая коллекция виниловых пластинок. Эта машина способна переносить меня в эпоху свинга и рок-н-ролла. Более того, сейчас стало доступным многое, о чем раньше не мог даже и мечтать.

Однажды, в 2006 году, путешествуя по провинции Юньнань, в городе Лицзянь я наткнулся на лавку, хозяин которой изготавливал традиционные китайские флейты из тыквы хулу и сам играл на них и даже по нотам. Мы с ним душевно пообщались, он даже пытался научить меня читать китайские ноты, которые совсем не похожи на привычные нам, а потом мы просто взяли две флейты и немного поимпровизировали, насколько это было возможно с моей стороны.

Сингапур, 1976 г. Во время стажировки в Наньянском университете

АА: Как здорово! Пожалуйста, расскажите про Ваше впечатление от общения с китайцами и от сотрудничества с ними?

ИК: Общение с китайцами у меня началось не в Китае, а в Сингапуре, куда я поехал в 1976 году на стажировку в Наньянский университет. И там, собственно говоря, я впервые реально общался с настоящим китайцем, с преподавателем. Когда я с ним заговорил, по прошествии какого-то времени он рассмеялся, просто хохотал. Мне стало жалко и обидно, и я спросил у учителя: «Я что совсем плохо говорю?». «Нет, ты все говоришь правильно, но ты говоришь как живая газета “Жэньминь жибао”!» — сказал учитель. Но по-другому и быть не могло, поскольку другого учебного материала у меня никогда и не было.

Потом я стажировался в Пекинском педагогическом университете. Это было профессиональное и учебное общение. Что касается простого общения с китайцами, то у меня среди китайцев были и есть очень хорошие товарищи, с которыми я поддерживаю связь. И, должен сказать, что в человеческом отношении они в общем-то такие же, как и мы: со всеми своими слабостями, со всеми, как у нас говорят, своими «тараканами». С ними всегда можно найти общие темы для разговора и общий язык, общие подходы — это совершенно нормальное общение!

Что касается сотрудничества, то здесь достаточно много нюансов. Когда в 1985 году я впервые приехал в Китай на стажировку в Пекинский педагогический университет, в Китае только начинались реформы. Там еще много было следов того старого, прежнего Китая — бедного, несчастного, запуганного, когда китайцам нель-

зя было общаться с иностранцами. На нас, советских студентов, они подглядывали с нескрываемой завистью и при случае всячески подчеркивали, что мы для них 老大哥 — «большой старший брат» и что они учатся у нас и так далее. Но потом, когда реформы в Китае достигли уже определенного размаха, Китай достиг определенных высот в своем развитии, отношение стало меняться, и на тот момент, когда я работал там по линии Министерства иностранных дел, это отношение, как я сформулировал для себя, было уже снисходительно ироничным. Они считали, что во многом уже превосходили нас, и уже настало время, когда мы должны у них многому учиться и многое заимствовать.

АА: Следите ли Вы сейчас за событиями в Китае? Если да, то как узнаете о последних новостях и событиях?

ИК: Честно сказать, за текущими событиями специально не слежу, слежу в силу выполнения своих профессиональных преподавательских обязанностей. Готовя новые учебные материалы, работая над учебником, подбираю соответствующие материалы. Так или иначе приходится обращаться к информации, которая отражает современное состояние Китая и происходящие там события. Поэтому, еще раз повторюсь, специально не слежу, но то, что попадает на глаза и на слух, воспринимаю с интересом, пытаюсь анализировать, сопоставлять, чтобы не ударить в грязь лицом перед обучаемыми. Чтобы со знанием дела отвечать на те вопросы, которые неизбежно возникают.

АА: Вернемся к периоду Вашей учебы. Вы говорили, что, помимо преподавателей, выращенных на кафедре китайского языка из числа выпускников, были еще и другие. Кто были эти люди? Расскажите, пожалуйста, о них подробнее!

ИК: Это очень правильный вопрос, потому что мне повезло учиться в то время, когда были живы и активно работали выдающиеся специалисты, российские и советские китайисты, китаеведы. И некоторые из них работали на нашей кафедре. Так, *Солнцев Вадим Михайлович*¹⁰ и *Горелов Владимир Иванович*¹¹ читали у нас лекции по теоретической грамматике и проводили семинары. *Антиповский Александр Андреевич*¹² вел курс истории китайской литературы. Ранее я уже упомянул *Бориса Григорьевича Мудрова*¹³. Помимо этого, фонетику на первом курсе нам ста-

¹⁰ *Солнцев Вадим Михайлович* (1928–2000). Китаевед, д.ф.н. (1970), профессор (1971). Член-корреспондент АН СССР (1984). Окончил МИВ (1949). Преподавал в МИВ (1949–1954), МГИМО МИД СССР (1954–1959), ВИИЯ. Сотрудник (с 1958), заместитель директора Института востоковедения АН СССР (1965–1986), директор Института языкознания АН СССР/РАН (1987–2000). Руководил изданием «Большого вьетнамско-русского словаря».

¹¹ *Горелов Владимир Иванович* (1911–1994). Китаевед, д.ф.н. (1968), профессор (1967), Заслуженный деятель науки РСФСР. Окончил МИВ (1941). Сотрудник Государственного музея народов Востока (1936–1937, 1943–1946) и Главного управления геодезии и картографии. Преподавал в МИВ, ВИИЯ (1946–1956), МГИМО (1956–1988). Переводчик 9 работ в издании «Избранные произведения» Мао Цзэдуна (1952–1953).

¹² *Антиповский Александр Андреевич* (1923–?). Китаевед, к.ф.н. Сотрудник ИДВ. Изучал творчество китпйского писателя Лао Шэ. Автор пособия: Хрестоматия современной китайской прозы / Сост.: А.А. Антиповский. Военный институт иностранных языков Москва, 1969. 456 с.

¹³ *Мудров Борис Григорьевич* (1923–1997). Востоковед, переводчик, к.ф.н. Сотрудник отдела языков народов Азии и Африки ИВ РАН, преподаватель МИВ, ВИИЯ, автор «Карманного русско-китайского словаря» (1988) и «Большого китайско-русского словаря» (2009).

вила *Тамара Павловна Задоевко*¹⁴, автор того самого знаменитого «вечного» учебника китайского языка. А еще к нам приходили китаеведы и китаисты из *Института Дальнего Востока*¹⁵. Их приглашал Иван Дмитриевич Кленин. Это были сотрудники МИД, а также хорошие знакомые Кленина, в частности, известный японист и китаевед *Всеволод Овчинников*¹⁶ и другие. С этими людьми мне довелось непосредственно общаться как в процессе учебы, так и потом, на протяжении какого-то времени после ее окончания.

АА: Еще один вопрос насчет Вашего обучения. Вы уже упомянули, что использовали рукописные учебные пособия, потому что в то время между СССР и Китаем отсутствовали нормальные отношения и имелся серьезный дефицит учебной литературы. Какими учебниками Вы пользовались тогда и где их брали?

ИК: Учебники, которыми пользовались, — это громко сказано! Первым, как я уже сказал, был учебник китайского языка для первого курса Тамары Павловны Задоевко. И все! На этом, можно сказать, учебники как таковые заканчивались! Дальше не было ничего, дальше создавали свое. Работал у нас на кафедре уже упомянутый мною Линь Шайло, уйгур по национальности, он составлял для второго курса такие сборники: сборник вопросительных предложений на китайском языке, сборник всяких рассказиков, сказок для китайских детей. Это мы использовали в качестве учебных материалов. По военному переводу тоже был базовый учебник, написанный Иваном Дмитриевичем Клеениным, а также составленный им позже уникальный словарь. Что касается других словарей, то был только один китайско-русский словарь под редакцией профессора *И.М. Ошанина*¹⁷, которым мы и пользовались. Учебники по переводу писали Мудров и *Б.Я. Надточено*¹⁸. Писали в прямом смысле слова — вся иероглифическая часть писалась от руки. Привлекались к этому обучающиеся с более-менее приличной каллиграфией. Ну... это была та еще каллиграфия! Собственно говоря, по этим учебникам мы и обучались. Но когда мы учились на третьем курсе, в книжном магазине «Литература на языках социалистических стран» на ули-

¹⁴ *Задоевко Тамара Павловна* (1924–1993). Китаевед, к.ф.н. (1955). Окончила МИВ (1951). Преподаватель филфака МГУ (1956), ИСАА МГУ (с 1956). Автор учебника китайского языка: Задоевко Т.П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. М.: Наука, 1973. 755 с.

¹⁵ *Институт Дальнего Востока (ИДВ АН СССР)*. Создан по решению Президиума АН СССР (сент. 1966). С 2022 г. — Институт Китая и современной Азии РАН.

¹⁶ *Овчинников Всеволод Владимирович* (1926–2021). Советский и российский журналист и писатель-публицист, востоковед, специалист по Японии и Китаю. Окончил китайское отделение Военного института иностранных языков Красной армии (ВИИЯКА).

¹⁷ *Ошанин Илья Михайлович* (1900–1982). Китаевед, д.ф.н. (1947), профессор (1948). Окончил МИВ (1924). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военного советника. в армии Фэн Юйсяна (1924–1926), генерального консульства СССР в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933–1939), КУТК в Москве (до 1930), ИВ АН СССР (с 1945). Преподавал в МИВ (1931–1942), ВИИЯ (1942–1957), ВДШ МИД СССР (1939–1955). Главред 4-том. БКРС (1983–1984). Лауреат Государственной премии СССР (1986).

¹⁸ *Надточено Борис Яковлевич* (1939 г.р., г. Житомир). Востоковед, китаевед, японист. Переводчик, преподаватель. Учился в ТашГУ. Окончил Институт восточных языков при МГУ (1964). Стажировался в Пекине (1962–1963). Преподаватель ВИИЯ (1968–1974), РУДН (2002–2010). Сотрудник Центра научной информации и документации ИДВ РАН (с 1995).

це Горького, нынешней Тверской, появился китайский отдел. В этом отделе продавались красивые альбомы по искусству и по живописи Китая, а также множество детских книжек — очень пестрых, увлекательных и красивых. А потом стали появляться и словари. Стоило это все очень недорого, и мы там были постоянными покупателями. Все новое, что там появлялось, мы сразу скупали. На этих материалах мы росли и учились китайскому языку.

АА: В начале нашей беседы Вы говорили, что вовсе не планировали стать китайстом, а просто мечтали стать переводчиком, имея в виду, конечно, западные языки. Получив приказ изучать китайский язык, не испытали ли Вы чувство разочарования? Не возникло ли желание отказаться от учебы в Военном институте иностранных языков?

ИК: Чувство разочарования, конечно же, было, поскольку в то время изучение китайского языка означало крах всех надежд отправиться за границу. Единственной компенсацией этого было то, что был второй язык — английский. Мы налегали на него и все свои надежды связывали именно с ним! Было ли желание бросить все? Оно, конечно, могло бы возникнуть, и, наверное, возникало. Но тут же подавлялось двумя обстоятельствами. Во-первых, это лично мои ощущения, что я изучаю китайский язык, я уже знаю какие-то иероглифы, а рядом — курсанты-«англичане», «французы» и прочие, которые вообще не имеют понятия, что это такое. Я как бы ощущал определенное превосходство над ними. Второе, совершенно объективное обстоятельство — то, что я был уже достаточно великовозрастным. Я поступил в ВИИЯ в 21 год, после срочной службы. Уходить и начинать все сначала было уже совершенно бесперспективно, поэтому я действовал по принципу: главное втянуться в драку, а там видно будет, как пойдет. Пошло неплохо, появился интерес, появились результаты, и таким образом ощущение какой-то «ущербности» прошло.

АА: Прошло настолько, что Вы окончили учебу с золотой медалью. В каком году Вы окончили ВИИЯ? И как решился вопрос с вашим трудоустройством? Повлияли ли на него плохие отношения с КНР?

ИК: Да, действительно, я окончил Военный институт иностранных языков в 1974 году с Дипломом с отличием и Золотой медалью по специальности «переводчик-референт китайского языка, военный переводчик английского языка». Что касается трудоустройства, то этот вопрос решался просто, и отношения с Китаем на этот процесс никак не влияли. По существующему положению, золотые медалисты военных учебных заведений имеют право выбирать место дальнейшего прохождения военной службы. Надо сказать, что выбор в то время был небогатым — между Читой, Хабаровском, Артёмом и монгольско-китайской границей — всё места весьма отдаленные. Так вот, пока я пытался сделать выбор, начальник кафедры полковник Кленин Иван Дмитриевич предложил остаться на кафедре преподавателем. Как понимаете, от этого предложения я не отказался, о чем несколько не сожалею.

АА: Времена плохих отношений между нашей страной и Китаем давно прошли. В чем, на Ваш взгляд, заключаются сегодня особенности и специфика российского китаеведения?

Москва, ВИИЯ, 1974 г. Вручение диплома и Золотой медали

ИК: Прежде всего надо уточнить, что такое китаеведение. Китаеведение — означает изучение Китая во всех его ипостасях, аспектах, проявлениях и так далее. Я далек от того, чтобы как-то с научной точки зрения убедительно комментировать вещи, связанные с политологией, геополитикой и так далее, потому что не занимался этим профессионально. Говорить о чем-то возможно, если ты занимаешься какими-то вопросами профессионально. В китаеведение входит, в первую очередь, и изучение языка, поскольку все, что происходит в жизни страны и отражается в языке, отражается в продуктах языка: в книгах, статьях, речах и так далее. Поэтому я могу вести речь об этой части китаеведения. Мне кажется, прежде всего, что китаеведение, *наверное, есть*. Достаточно давно («давно тому назад», как говорят) я мог с уверенностью сказать, что *китаеведение есть*. Сейчас оно, *наверное, все-таки есть* и начинает постепенно реанимироваться после многих десятилетий застоя. Примером тому является учреждение, в третий раз уже, Всероссийской ассоциации преподавателей китайского языка. Этот организационный момент как раз показывает, что есть все-таки люди, которым небезразлично развитие этой отрасли научного знания, и они этим занимаются. Если говорить о нынешнем состоянии именно этой сферы научной деятельности, то, с моей точки зрения, все, что делалось в ней на протяжении последних двух-трех десятков лет, было спонтанным, несистемным и малорезультативным. Если мы говорим о китаеведах прошлого, то это «школы» — школы Короткова, Солнцева, Горелова. Это школы, это авторы, без упоминания которых в своих научных работах сейчас не обходятся молодые соискатели степеней. Сюда же следует отнести таких известных китаистов как

*Карпетьянц*¹⁹, *Тань Аошун*²⁰ и многие другие. А вот в последнее время работ, которые в последующем могли бы встать на уровень школы, очень мало. К таковым я могу отнести только работу *Курдюмова Владимира Анатольевича*²¹, у которого есть последователи. Эти последователи развивают его теорию и продвигают ее дальше. Остальные интересные работы – и кандидатские, и докторские диссертации — не претендуют на масштабность, они решают лишь какие-то локальные научные вопросы и, как правило, вне взаимной связи между собой. Возможно, когда-нибудь появится человек, который все это объединит, тогда это будет называться постсоветским российским Китаеведением.

АА: Какие качества необходимы человеку для того, чтобы стать высоким профессионалом в Китаеведении и открыть такую научную школу?

ИК: Качеств должно быть не очень много. А, может быть, и наоборот. Во-первых, вся эта работа, точнее, вся сфера деятельности – китайский язык и все, что его окружает, должны поглощать человека целиком, не принудительно, а естественным образом являться содержанием его жизни. Должен быть огромный интерес и стремление к развитию. Второе — это самоотверженность, потому что процессы научного исследования в этой области обычно достаточно трудоемки. Они требуют времени, усилий, определенных материальных затрат. Не всякий человек способен принести этой деятельности в жертву свой семейный покой, какие-то жизненные прелести. То есть это должен быть «подвижник», то есть человек, готовый на все ради продолжения и развития своего дела, ради достижения какой-то великой цели.

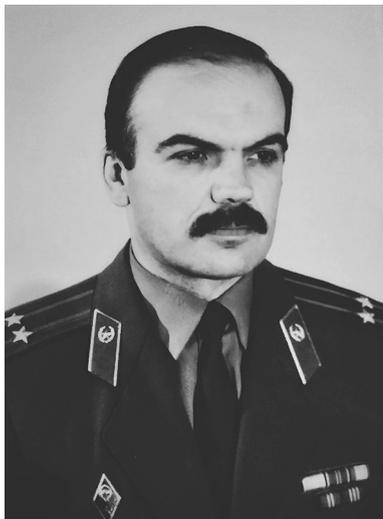
АА: А можно ли выделить особенности «военного Китаеведения»? И существует ли такое понятие?

ИК: Что касается военного Китаеведения, то оно, безусловно, существует, а направления его развития и специфику следует рассматривать как в долгосрочном плане, так и в конкретном временном контексте. В первом случае не утрачивают своей актуальности такие научные проблемы, как исследования в области терминологии, иноязычных заимствований, неологизмов в военной лексике китайского языка. Специфика современного этапа характеризуется тем, что на фоне высочайшего уровня межгосударственных связей, в том числе в военной сфере, возникают новые задачи для военного Китаеведения. Так, проводимые ежегодно Армейские игры, расширение их географии и номенклатуры конкурсов, выдвигают на первый план проблемы военного перевода, причем как письменного, так и во все большем объеме устного перевода. Это требует оперативной корректировки целей, планов и форм подготовки специалистов и находит свое отражение в соответствующих теоретических и практических разработках разного уровня.

¹⁹ *Карпетьянц Артемий Михайлович* (1943–2021). Китаевед, д.ф.н. (1992), профессор (1994). Окончил ИВЯ при МГУ (1966). Преподаватель (с 1969), завкафедрой (1993–2003) ИСАА МГУ. Лингвист, текстолог, историк кит. философии. Муж Тань Аошун.

²⁰ *Тань Аошун 譚傲霜* (1931–2017). Китаевед, д.ф.н. (1995), профессор (2000). Окончила филологический факультет Пекинского университета (1954). Преподаватель ИСАА МГУ (с 1966). Почетный профессор Педагогического университета Центрального Китая (1999). Член правления Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка. Жена А.М. Карпетьянца.

²¹ *Курдюмов Владимир Анатольевич* (1965 г.р.) Китаевед, д.ф.н. Декан восточного факультета Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. Специалист по китайскому языку, истории и теории языкознания. Создатель нового направления на стыке лингвистики и философии — предикационной концепции языка.

Военный китаевед.
Начальник кафедры
дальневосточных языков

Вообще у темы военного китаеведения есть две стороны. Если говорить о чисто военной стороне вопроса, то исследования и практические работы ведутся сегодня главным образом в рамках совместного с китайской стороной формирования тезаурусов, достижения единого понимания и унификации терминологии. Помимо этого, в диссертациях при исследовании различных лингвистических вопросов используются материалы на китайском языке из открытых источников, относящиеся к военному, военно-политическому и военно-экономическому дискурсу. Следует также отметить, что в этой работе принимают участие и наши выпускники, разрабатывающие интересные и актуальные темы в ВКР (дипломных работах). Естественно, результаты всех подобных исследований носят закрытый характер.

Другая сторона вопроса связана с высокой научной активностью преподавателей. На нашей кафедре до 2000 года были защищены 11 диссертаций, из которых три диссертации — докторские.

В наши дни из числа китаистов на кафедре работают девять кандидатов филологических наук, один кандидат педагогических наук, один доктор педагогических наук, готовятся к защите кандидатские и докторские диссертации. Все ученые в равной степени решают задачу подготовки профессиональных военных переводчиков китайского языка. Поэтому, думаю, мы вправе считать их военными китаеведами.

АА: Есть ли у Вас какое-то личное китаеведческое кредо?

ИК: Китаеведческое кредо у меня, может быть, есть, но сформулировать его не так просто. Я его еще не сформулировал емко и кратко. Если «краткость — сестра таланта», то у меня с этим плохо. Кредо состоит в следующем: изучая Китай в любой сфере деятельности жизни этой страны, ни в коем случае нельзя поддаваться соблазну сравнения: вот у них это лучше, а у нас хуже, у них это быстрее, а у нас медленнее. Китай нужно понять и можно понять, если воспринимаешь его таким, какой он есть. Потому что на самом деле Китай — это другая Вселенная по сравнению с нами. Что бы там ни говорили, по менталитету, по мировоззрению это люди, которые живут в другом измерении. Нам нужно понять это измерение, в котором они живут, а не сравнивать его с чем-то другим. Когда-то, уже после «эпохи Солнцева–Горелова», кто-то из ученых сказал такую фразу: «Вот эти академики, они все время пытались натянуть тесный костюмчик индоевропейских языков на тучное тело китайского языка». В результате получалась какая-то индоевропеизированная грамматика китайского языка. Что из себя представляет истинная грамматика китайского языка, мы до сих пор не разобрались, потому что не занимались исследованиями именно этой структуры в том контексте, в котором она появилась, развивалась и совершенствуется.

В перерывах между парами

АА: Да, Вы правы! Очень тяжело сравнивать эти языки, и даже порой невозможно сравнить некоторые аспекты... Какие пожелания Вы хотели бы высказать молодым китаеведам?

ИК: Ох, молодые китаеведы... Пожелание, как и кредо, может быть передано китайским выражением. Есть у китайцев такое выражение 埋头苦干, что в прямом переводе означает «зарыть голову и горько трудиться». Я желаю молодым китаеведам понимать, что в этой области очень трудно достигнуть ощутимых успехов без самоотверженного, повседневного, систематичного труда!

АА: Спасибо! Для продолжения нашего интервью мы пригласили в студию начальника кафедры дальневосточных языков, полковника *Радус Ларису Александровну*²².

ЛР: Игорь Васильевич, хотя вся Ваша жизнь связана с Военным институтом иностранных языков, впоследствии Военным университетом, были некоторые, так называемые «отрывы» от основного вида деятельности. Чем Вы занимались вне стен Военного университета? Каковы были Ваши мотивы и цели? Что Вы приобрели в качестве опыта, который теперь внедряете в учебных аудиториях?

ИК: Спасибо за хороший вопрос! Так называемые «отрывы» начались у меня в 1988 году, когда, по рекомендации тогдашнего начальника кафедры *Мосько Георгия Николаевича*²³, я был откомандирован в Министерство иностранных дел, в состав советской делегации при Совместной советско-китайской комиссии по демаркации

²² *Радус Лариса Александровна* — китаевед. Преподаватель китайского языка, начальник кафедры дальневосточных языков ВУ МО РФ.

²³ *Мосько Георгий Николаевич* (1943–2018). Китаевед, к.и.н. (1976). Окончил ВИИЯ (1971). Слушатель ВИИЯ, преподаватель китайского языка и военного страноведения в ВИИЯ, начальник кафедры дальневосточных языков ВУ МО РФ, начальник учебного отдела ВУ МО РФ.

советско-китайской границы. Можно сказать, что именно с этого времени я начал работать как переводчик, помимо того, что служил преподавателем. И эта моя работа продолжалась на протяжении десяти лет. В процессе работы в этой демаркационной комиссии, общаясь с представителями и военного ведомства, и министерства иностранных дел, и других организаций, которые занимались демаркацией границы, я в общем-то и сформировался как переводчик, особенно как устный переводчик.

АА: Какие особенности работы военного переводчика можно выделить?

ИК: Особенности работы военного переводчика определяются несколькими факторами: условия работы, содержание работы и особенности личности руководителя, то есть воинского начальника.

Что касается условий работы, то это может быть как стол переговоров или кабинка для синхронного перевода, так и командный пункт или боевая позиция на полигоне, мостик или боевая часть корабля, место радиста в кабине самолета. Все это так называемые внешние физические обстоятельства выполнения перевода, в которых переводчик либо работает в комфортных условиях, либо ему приходится напрягать слух, повышать голос, работать в условиях дефицита времени и даже при существующей угрозе здоровью и жизни в реальной боевой обстановке.

Военный переводчик, получая задачу, очень редко имеет возможность ознакомиться с материалами предстоящего перевода. Когда какие-то переговоры планируются заранее, тогда переводчику обычно сообщают тематику и, может быть, даже дадут текст основного выступления руководителя, но так происходит далеко не всегда. На полигоне, во время учений и особенно в боевой обстановке переводчику указывается место и время предстоящей работы и примерная проблематика предстоящей коммуникации. В этом случае переводчик может оказаться в расположении полевой кухни или медсанчасти, или в центре управления средствами ПВО, или в ремонтных мастерских, где восстанавливается вышедшая из строя техника и т.п. Из этого следует, какими обширными должны быть познания переводчика о потенциальных объектах перевода, насколько богатым и разнообразным должен быть его лексический запас.

Третье условие касается межличностных отношений, которые могут либо помогать успешной работе переводчика, либо наоборот. В последнем случае должно помогать такое психическое качество, как стрессоустойчивость. Это качество также формируется у военных переводчиков на всем протяжении их обучения. И еще одна особенность заключается в том, что военный переводчик, предназначением которого является лингвистическое обеспечение военной деятельности, оказывается в двойном подчинении у одного начальника, да не только у него, а и у лиц, его сопровождающих, которые, как правило, старше переводчика по воинскому званию. Во-первых, он подчиняется им по служебным функциям и профессиональному положению, а во-вторых, по своему статусу в воинской иерархии. Последнее иногда бывает причиной того, что переводчику приходится выполнять функции, не связанные с профессиональной деятельностью и конкретными задачами в данном контексте, типа: пойди, найди, принеси, причем такие задачи могут возникать в любое время суток. В этом случае работает военный иерархический принцип начальник — подчиненный.

АА: Да, быть военным переводчиком непросто! А как сложилась Ваша жизнь дальше, после завершения работ по демаркации?

Ветераны ВИИЯ на приеме в посольстве КНР в Москве

С послом КНР Ли Хуэем на новогоднем приеме в посольстве КНР в Москве

ИК: В последующем, в связи с событиями в стране, которые не обошли нашу кафедру, возникла необходимость работать где-то еще. Из-за этого я ушел с кафедры, уволился и был принят на работу в только что сформировавшийся негосударственный вуз, который назывался Институт практического востоковедения. Сначала я там работал заведующим кафедрой китайского языка, а потом первым проректором. На этой работе я приобрел солидный управленческий опыт, опыт организации учебного процесса и вообще всей деятельности учебного заведения. Потом, через несколько лет, мне предложили поехать в Китай, в Яньшаньский университет города Циньхуандао, работать преподавателем русского языка. Опыта такого рода работы у меня не было никакого, но было интересно попробовать и взглянуть на мою работу преподавателя китайского языка с другой стороны, со стороны китайских студентов, которые изучают русский язык. Я проработал там недолго, всего один год, и этого мне оказалось достаточно для того, чтобы понять, как несчастны эти дети китайские, которые изучают русский язык. Наверное, настолько сложного языка, как русский, для иностранцев вообще трудно найти! Хотя работа в Китае шла своим чередом, я работал на всех курсах с первого по четвертый. Преподавал разговорную практику, практику речи. Помимо того, что я понял, что преподавателем русского языка должен быть только профессиональный преподаватель русского языка, я развил свои разговорные навыки в китайском языке, потому что многие вещи приходилось объяснять все-таки на китайском.

В 2006 году меня пригласили работать в Пекин, в русскоязычную редакцию информационного агентства «Синьхуа». Там эта должность называлась «иностранец-специалист». Функция моя состояла в том, чтобы редактировать те переводы с китайского на русский, которые выполняли китайские переводчики. Надо сказать, что переводчики там работали очень профессиональные, высококвалифицированные. И в основном переводы они делали очень неплохо, поэтому моей работы было не так много. Но были и другие случаи в этой редакции. Как и везде, были люди, которых направили туда не по знаниям, умениям и образованию, а по должности и социальному статусу родителей и так далее. Из-под пера этих переводчиков выходили, конечно, тексты совершенно непригодные для дальнейшей работы, даже для редактирования, поэтому приходилось просто-напросто переводить их заново. Работы было много, потом очень много, потом невыносимо много. Китайские сотрудники закалены, видимо, в таком режиме работы, ни на что внимания не обращали, и только все бросали и бросали эти тексты на мой стол. Я понял, что работать в такого рода китайской организации очень интересно, ведь это все-таки главное информационное агентство Китая! Было интересно понять, какая информация интересует их, что они выбирают из всего информационного потока для перевода на русский язык для русских. Так я набил руку на редактировании переводов. Это было тоже непросто, со временем все приходило. Со временем же общий объем работы стал уже очень большим, и этот объем не очень соответствовал зарплате, которую там платили. А еще появились некоторые моменты в трудовых отношениях. Например, когда я подписывал контракт, в нем была такая строчка: в случае отсутствия по месту проживания в Пекине в выходные и праздничные дни, обязательно информировать руководителей редакции, сообщать полную информацию о том, кто, куда и зачем уезжает. Когда я подписывал контракт, это не бросилось в глаза, а потом со временем я узнал, что в испаноязычной, французской и английской редакциях у сотрудников в контракте этой записи

не было. И вообще было много всяких других моментов. Я отработал какое-то время и понял, что извлек для себя лично максимум того, что мог там получить. В итоге я любезно распрощался с этой прекрасной командой переводчиков, сохранил очень добрые о них воспоминания. Действительно, я приобрел там много полезного! После этого, уже вернувшись в Москву, я еще год проработал в Институте практического востоковедения. Потом его закрыли, когда начали закрывать негосударственные вузы, и, в конечном счете, я снова вернулся в Alma mater. Вот так...

ЛР: К нашему большому удовольствию, Игорь Васильевич!

АА: Что еще интересного можно вспомнить о том периоде, когда Вы работали в Институте практического востоковедения и обучали студентов?

ИК: Помимо всего прочего, в то время я занимался одним интересным проектом. В китайском городе Циньхуандао, что на берегу моря, рядом с курортом Бэйдайхэ, в Яньшаньском университете работал на коммерческой основе летний лагерь изучения китайского языка для иностранцев. Я договорился с тамошней администрацией и стал формировать от имени Института практического востоковедения группы из желающих провести три недели на море с одновременным изучением китайского языка и многочисленными экскурсиями. Сам же я эти группы и сопровождал. В основном это были студенты разных московских вузов. Надо сказать, дело это было очень ответственное и хлопотное! Молодые люди — девочки, мальчики — вырвались на свободу и, как это теперь называется, стали «отрываться» по полной! У меня как руководителя постоянно возникали проблемы: то устроят шумную вечеринку в общежитии, где также проживали и иностранные преподаватели университета, то кто-то съел несвежие морепродукты со всеми вытекающими последствиями, то у кого-то заболел зуб, то начудили в каком-то клубе, то несколько человек без оповещения уехали в Пекин на неопределенное время и т.д. и т.п. Но при этом в целом мне было с ними интересно, это был новый опыт. Во-первых, я наблюдал, как благотворно влияет на совершенствование речевых навыков языковая среда, особенно если ребята, помимо занятий с преподавателями, заводили знакомых из местных. Это наблюдение также явно демонстрировало те моменты, которые следовало учесть и улучшить при обучении китайскому языку на родине. Я видел, как эти ребята быстро находят общий язык в широком смысле слова со своими китайскими сверстниками. Следует отметить также безусловную пользу от организованных совместных экскурсий по историческим местам в провинции Хэбэй и в Пекине. Такие экскурсии пробуждали интерес к тем историческим и культурологическим фактам, которые хоть и были предметом изучения в своих университетах, но не ассоциировались с реальными объектами. Здесь же непосредственное восприятие вызывало из памяти полученные знания, теория связывалась с реальностью и все воспринималось с большим интересом.

В то время — 2003–2009 гг. — у московских студентов-китаистов еще не было таких широких как сейчас возможностей выезжать в Китай на стажировки, особенно краткосрочные, да еще с возможностью полноценного отдыха на море, поэтому наш проект пользовался популярностью, и администрация Яньшаньского университета ценила наших студентов.

АА: Ваши бывшие однокурсники продолжили работать с китайским языком?

ИК: В этом плане нашему выпуску 1974 года, можно сказать, повезло. Большая часть выпускников получила возможность реализовать себя в качестве китаистов.

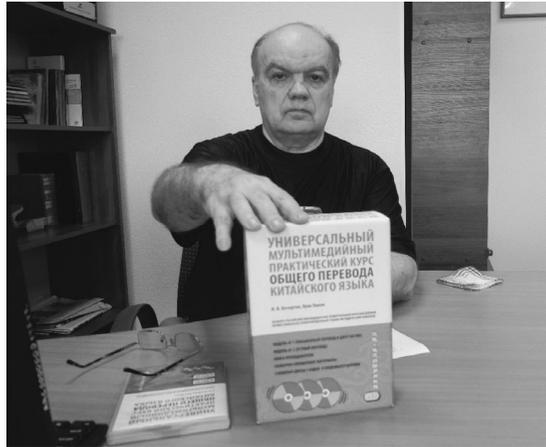
Сразу после выпуска несколько человек были направлены в аппарат военного атташе в посольстве СССР в Китае и успешно проработали там много лет. Другим предложили продолжить службу в разведывательных органах и спецслужбах разных уровней. Еще часть моих однокурсников получила назначение в разные военные вузы в качестве преподавателей китайского языка, в том числе три человека были оставлены на кафедре дальневосточных языков Военного университета. В настоящее время некоторые из них, в том числе и ваш покорный слуга, продолжают обрабатывать эту «ниву», стали учеными, авторами различных учебно-справочных материалов.

ЛР: Вы на самом деле являетесь автором уникальнейшей методики преподавания перевода, а также, я считаю, единственным в современном Китаеведении автором большого количества учебных и учебно-методических трудов по этому направлению. Мы знаем, что Вы также участвовали в редактировании и публикации других трудов по Китаю. Может быть, Вы скажете что-то об этом?

ИК: Не могу сказать, что я много сделал в этой области, но кое-что все-таки было, чем я могу гордиться. Например, после десяти лет работы в составе демаркационной комиссии составлялись итоговые документы — так называемые «протоколы» описания прохождения линии государственных границ. Они составлялись на русском языке и на китайском языке, переводились взаимно. И потом все эти тексты сличались на предмет идентичности. Объем этих итоговых документов измерялся в сотнях килограммов бумаги. Все это прошло, как говорится, через мои руки и глаза, под всеми этими документами стоит моя подпись! Если говорить по Китаю, то как раз после моего возвращения знакомый товарищ из министерства культуры Китая предложил посотрудничать в публикации ряда познавательных материалов о разных сторонах жизни Китая. В министерстве культуры Китая задумали этот проект на разных языках, включая русский. Исходный текст был на китайском, готовые материалы публиковались на компакт-дисках. Там были такие тематические диски: китайская культура, китайская керамика, китайская живопись, китайская скульптура. Потом была еще такая интересная тема — жизнь пожилых людей в Китае, система охраны здоровья пожилых людей, ну и так далее. Всего я перевел девять компакт-дисков с таким материалом, девять разных тем было. В итоге эта моя работа потом трансформировалась в учебник по регионоведению Китая. Это основные вещи, которые имеют большое значение для меня и для заказчиков. Было еще много разных вещей, связанных с моим сотрудничеством с компанией «Рособоронэкспорт», с бизнесом. Ну, это уже так, мелочи...

АА: Расскажите, пожалуйста, поподробнее про Ваши учебные пособия!

ИК: Об этом и говорить-то особенно нечего! Написано их не так много, но все они имеют две главные особенности. Во-первых, желание написать какой-то учебный или справочный материал возникает всякий раз, когда я вижу, что в учебном процессе явно прослеживается дефицит каких-либо материалов. Другими словами, мотивом к разработке всегда выступают очевидные актуальные потребности учебного процесса. Во-вторых, учебники и учебные пособия разрабатываются с таким расчетом, чтобы их можно было органично включить в любой учебный процесс в качестве базовых или дополнительных учебных материалов. Все учебники и учебные пособия написаны с использованием аутентичных материалов на китайском языке, имеют методически обоснованную структуру и научно обоснованную систему упражнений.

Автор с учебно-методическим курсом общего перевода китайского языка

Можно сказать еще несколько слов о новом образовательном продукте, как теперь принято говорить — «Универсальном мультимедийном профессионально ориентированном учебно-методическом комплексе» (УМК) «Практический курс общего перевода китайского языка». Это уникальный обучающий продукт, предназначенный для подготовки переводчиков китайского языка в системе высшего профессионального образования. Самое главное его отличие от всего, что было написано по этому аспекту до сих пор, заключается в том, что особое внимание в нем уделяется обучению устным видам перевода. Впервые в отечественной практике создания учебных материалов аналогичного предназначения УМК содержит специальную систему упражнений и набор созданных с помощью современных мультимедийных средств учебных ситуаций, моделирующих наиболее типичные условия переводческой деятельности и включающих обучаемого в систему квазипрофессиональной переводческой деятельности.

В результате практического применения этого учебника на протяжении пяти лет, включая экспериментальное апробирование, стало понятно, что кое-что в нем нуждается в изменении, исправлении и улучшении, поэтому появилось второе издание этого УМК — исправленное, дополненное и переработанное. В работе над учебником принимал участие мой многолетний соавтор китайский коллега *Хуан Лилян*²⁴.

АА: В данный момент Вы работаете над каким-либо новым учебным пособием?

ИК: Нет, в данный момент я размышляю над новой концепцией ускоренного обучения китайскому языку, которую называю «когнитивно-информационной». Пока эта концепция существует только в общих чертах.

ЛР: Мы будем с нетерпением ждать новые пособия! Но позвольте вернуться к Вашему учебно-методическому комплексу по переводу — неспроста круг ваших научных интересов сформировался именно здесь, в Военном университете, где сложи-

²⁴ *Хуан Лилян* (1951 г.р.). Гражданин КНР, к.и.н. (2008), доцент. Преподаватель китайского языка в НИУ ВШЭ (с 2015) и в Институте бизнеса и делового администрирования (ИБДА) РАНХиГС. Окончил философский факультет МГУ (2004). Исследователь конфуцианства, соавтор многих учебных пособий по китайскому языку.

лась своя школа перевода. Безусловно, это она определила направления Ваших научных исследований...

ИК: Совершенно верно! Началось все, как я всегда говорю, с самого начала. Началось все на четвертом курсе. На четвертом и пятом курсах, когда были посеяны эти семена, у нас преподавал перевод китайского языка великий лексикограф, автор знаменитого словаря Мудров Борис Григорьевич. Он сам был действующим переводчиком, имел огромный опыт и практику, обучал нас, «несмышленных», всему тому, что нужно на войне. При этом учебных материалов практически не было. Было одно учебное пособие, которое написал сам Мудров, и еще одно учебное пособие, написанное Борисом Яковлевичем Надточенко.

Материалы были вообще никакие, то были просто рукописные тексты. Никакой методики там не было. Для меня это был первый подспудно возникший мотив. А второе — это то, что и преподавание было такое: собственно, берите текст и переводите! Да, и Борис Григорьевич Мудров говорил: «Чтобы научиться переводить, нужно переводить!» В силу того, что отношения с Китаем были совсем плохие, вариантов или необходимости, потребности овладеть навыками устного перевода не было вообще, никто не видел перспектив применения, поэтому занимались письменным переводом. Но занимались серьезно, вэньянь переводили.

Кстати сказать, работа с письменными текстами и украденными у кого-то экземплярами газеты «Жэньминь жибао», в общем-то, отразились в последующем на моем уровне и качестве устного перевода. Я владел исключительно письменными формулами выражения, а устных не было. Поэтому, как я уже говорил, когда я впервые приехал на стажировку в Сингапур и встретился с китайским учителем, после нескольких минут разговора он расхохотался и сказал: «Да ты говоришь как живая газета “Жэньминь жибао”!» Поэтому для занятий переводом было два мотива: не было методики обучения и практически не было учебных пособий. Было еще желание и понимание того, что надо как-то помогать будущим поколениям в этом вопросе. Под влиянием такого мотива я поехал на первую стажировку в Наньянский университет Сингапура. Потом была вторая стажировка в Пекинском педагогическом университете, где я уже целенаправленно занимался вопросами, связанными именно с переводом, с тем, как ему обучать. С этого все началось, когда в Военном институте я много лет провел на начальных курсах – первом, втором курсе, что в общем-то тоже далеко не бесполезно, если не сказать наоборот. Но при этом постоянно работал, читал, пытался разобраться с тем, как же развить, усовершенствовать эту методику обучения переводу, что для этого нужно, какие материалы, какие принципы научные положить в основу. Вот, таким образом все и происходило.

ЛР: Вопрос: есть ли у Вас ученики?

ИК: Вопрос хороший! Ответить на него можно: больше нет, чем да. Здесь есть две стороны этого вопроса. Если говорить об учениках, то обычно под этим подразумевается, особенно когда речь идет о преподавателях уже моего стажа и статуса, есть ли люди, которые у меня учились, а потом написали диссертацию и защитились. Таких людей нет. Не знаю, к сожалению или не к сожалению, но я защищался по специальности «методика обучения иностранным языкам» и в скобках «восточные языки». Таких защитившихся было три человека всего, и на этом закончилась вся история этой специальности 13.00.02. В результате никто за мной по этому пути не пошел, потому что это практически бесперспективно.

Строгий экзаменатор

ЛР: А фактически, неформально? Есть у Вас свои ученики?

ИК: Фактически, опять же, нельзя сказать однозначно. Скажем так, довольно много людей обращаются ко мне за консультациями. Я редко принимаю участие в разного рода конференциях, но, как правило, особенно если эта конференция на выезде, вся секция методики преподавания обязательно обращается ко мне со всеми вопросами, на которые я пытаюсь отвечать в силу своей компетенции. Я считаю, что у меня есть ученики. Наверное, главное здесь заключается не столько в этой материи «китайский язык», «перевод» и так далее. Главное, как мне кажется, состоит в том, что мне удастся научить молодых людей правильно относиться к себе, к своему месту в обществе, к той профессии, которой их обучают, к учебе. И, как я всегда говорю, когда прихожу в новую группу (допустим, на третий курс) — главная задача в нашем вузе состоит в не столько в том, чтобы научить вас конкретно чему-то в китайском языке, а в том, чтобы научить вас учиться. Если вы здесь научитесь учиться, то дальше у вас все будет хорошо! В этом плане, могу сказать, что ученики у меня есть, достаточно много. Пусть это звучит нескромно, но я считаю учениками всех своих выпускников! Многие после выпуска поддерживает отношения, связи, обращаются по разным вопросам, в том числе и по жизни, по бытовым.

ЛР: Я хочу добавить, что, помимо выпускников, Вашими учениками считают себя и Ваши коллеги! И в большой степени уверена в том, что и *Кирилл Васильевич Волков*²⁵, и *Олег Игоревич Калинин*²⁶, и *Алина Раильевна Абдрахманова*²⁷, и я, Ваша покорная слуга, да и все мы учимся у Вас!

ИК: 不敢当! (Не смею соответствовать!)

ЛР: 就是当! (Как раз-таки соответствуете!) Позвольте нам всем называть себя Вашими учениками!

ИК: Почту за честь!

²⁵ *Волков Кирилл Васильевич* — Китаевед, к.ф.н. Военный переводчик, преподаватель кафедры ДВЯ ВУ МО РФ. Окончил ВУ МО РФ.

²⁶ *Калинин Олег Игоревич* — Китаевед, к.ф.н. Военный переводчик, преподаватель кафедры ДВЯ ВУ МО РФ. Окончил ВУ МО РФ.

²⁷ *Абдрахманова Алина Раильевна* — Китаевед, военный переводчик, преподаватель кафедры ДВЯ ВУ МО РФ. Окончила ВУ МО РФ (2017).